

УДК 800(75.8)

ШАРЛЬ ДЕ БОВЕЛЬ ОБ ИЗМЕНЧИВОЙ ПРИРОДЕ ЯЗЫКА

Е. Н. Михайлова

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
emikhailova@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению воззрений на язык Шарля де Бовеля (1479-1565), яркого представителя французского гуманизма первой половины XVI века. В центре внимания находится проблема изменчивой природы языка, получившая оригинальное решение в лингвистической концепции этого учёного.

Ключевые слова: *differentia*, *varietas*, изменчивость языка, многообразие и различие языков, языковая вариативность.

В историографии лингвистики за эпохой Возрождения закрепились печальная слава переходного периода между Средневековьем и Новым временем. Авторы абсолютного большинства фундаментальных работ по истории языкознания либо обходят его молчанием, либо упоминают о немногих его представителях вскользь. Как не без сожаления замечает Л. Г. Степанова, тенденция игнорировать этот период под тем предлогом, что в нем не было ничего оригинального и достойного внимания, продолжает оставаться почти неизменной несмотря на обилие работ по различным аспектам языкознания того времени [4, с. 145 – 147]. Между тем, как показывают исследования, посвященные ренессансной системе знания о языке, именно в эпоху Возрождения были заложены основы современной лингвистики [22; 17; 18; 19; 4]. По мнению С. Ору, основателя и главы Международного общества истории и эпистемологии наук о языке, в связи с тем, что в то время были обозначены практически все значимые для науки XIX-XX вв. проблемы, этот период следует рассматривать как важнейший поворотный момент в истории лингвистической мысли [5, с. 12, 25].

Одной из проблем, занимавших внимание ученых Ренессанса, была проблема изменчивой природы языка. Ее появление тесным образом связано с рождением в недрах гуманистической культуры исторического видения, которое распространялось не только на события истории, но и на все области бытия. По свидетельству исследователей ренессансной культуры, археологические раскопки, создание музеев, поиск и изучение старинных рукописей постепенно сформировали у гуманистов историческое видение мира во всем его многообразии [12; 16; 2]. Будучи естественным и закономерным результатом гуманистического мировоззрения феномен *homo historicus* имел целью самоидентификацию человека во времени и пространстве, при этом в качестве надежного инструмента и основного метода научного познания выступала филология [12, с. 25; 2, с. 76]. Неизбежным следствием такого мировоззрения стало понимание исторической изменчивости языка, получившее свое отражение в ряде ренессансных филологических сочинений.

К числу мыслителей Возрождения, попытавшихся проникнуть в тайну изменчивой природы языка, принадлежит Шарль де Бовель (1479 – 1566), французский гуманист, научная деятельность которого приходится на первую половину XVI века.

В истории французской научной мысли Ш. де Бовель известен в первую очередь как философ, именно поэтому основное внимание традиционно уделялось изучению его философских воззрений [15; 7; 9; 17]. Многогранность научной деятельности де Бовеля как одного из наиболее плодотворных ученых своего времени получила отражение в исследовании П. Мишеля [21]. В 1979 г. в связи с 500-летием со дня рождения гуманиста на его родине, в Нуайоне, состоялся международный конгресс, участники которого попытались охватить все грани его богатейшего научного наследия [10]. Та-

ким образом, в истории науки де Бовель предстает как один из «титанов Возрождения», оставивших свой след во многих областях знания, в том числе и в языкознании.

Между тем в классических трудах по истории лингвистических учений имя де Бовеля даже не упоминается. Внимание ученых приковано преимущественно к работам таких представителей ренессансного знания о языке, как Небриха, Скалигер, Санчес, Рамус, Анри Этьен и др. В основном это грамматические сочинения, а трактат де Бовеля к числу грамматик никоим образом не относится. Более того, эта работа стоит особняком в лингвистическом наследии эпохи Возрождения не только в связи со спецификой своего жанра, но и в связи с особым подходом автора к решению поставленных в ней задач. Именно поэтому долгое время лингвистические идеи де Бовеля оставались вне поля зрения историков языкознания.

В западноевропейской историографии лингвистики первыми учеными, обратившимися к рассмотрению воззрений де Бовеля на язык, стали К. Демезьер [13; 14] и К. Шмитт [23; 24]. В своих работах им удалось высветить немало интересных идей, получивших отражение в его трактате о языке. Однако нельзя не заметить того, что при всем пиетете к личности этого ученого, они подчас излишне суровы к его рассуждениям о языке. В частности, в работах К. Демезьер не слишком высокую оценку получили изыскания де Бовеля в области этимологии [13, с. 42 – 43, 46, с. 212; 14, с. 168], а попытка изучения им французских топонимов рассматривается не более как занимательный опыт, не имеющий научной ценности [14, с. 155]. В работах К. Шмита, в целом более благосклонно оценивающего воззрения де Бовеля, также содержится немало критических замечаний в адрес французского ученого [24, с. 252 – 261]. Если подойти беспристрастно к рассмотрению лингвистической концепции де Бовеля, отстоящей от нас во времени почти на пятьсот лет, и отказаться от снисходительного тона в отношении к его суждениям, то со всеми сильными и слабыми сторонами его воззрения на язык окажутся бесценным источником для реконструкции такого важного в истории европейского языкознания периода, каким является Ренессанс.

Сравнительно небольшая по объему работа де Бовеля (144 страницы) была написана в духе времени на латинском языке. Трактат был закончен в 1531 г. (авторское предисловие датировано 5 сентября 1531 г.). Опубликован он был в 1533 г. в Париже в типографии в то время начинающего, а в дальнейшем самого известного во Франции издателя Робера Этьена (на последней странице издания указана точная дата выхода книги из-под типографского пресса: 4 февраля 1533 г.).

Полное название этой работы де Бовеля достаточно тяжеловесно, что вполне соответствовало канонам научной традиции того времени: «*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrariae vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum*» (= Книга о различии народных языков и разнообразии французского языка; какие слова у французов являются искусственными и неисконными, или варварскими; какие по происхождению восходят к латинскому языку; о предположительном происхождении французских имен). Своеобразная разноплановость содержания трактата де Бовеля привела известных французских ученых к мнению, что это три разные работы, собранные в одну книгу [8, с. 132; 14, с. 163]. Первая часть трактата (*Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate*) написана в жанре «общих рассуждений о языке» и посвящена вопросам теории и истории языка, во второй части (*Tabulae breves Gallicanarum vocum, docentes quoniam earum factitiae et arbitrariae, vel barbarae sint et quae ab origine latina manarint*) предпринята попытка создания этимологического словаря, в третьей части работы (*De hallucinatione Gallicanorum nominum*) проблемы этимологии решаются сквозь призму топонимики. Понимание изменчивой природы языка является одной из центральных идей в данном трактате, однако в каждой из его частей она преломляется и обосновывается по-своему.

Воззрения де Бовеля на язык целиком принадлежат ренессансной научной традиции, представляя собой результат гуманистического мировидения и мировосприятия. Это видно и по кругу проблем, затрагиваемых в трактате, и по манере изложения, и по системе аргументации отстаиваемых в нем положений. Автор обращается к решению вопросов, которые вскоре составят основу гуманистической программы французского Возрождения в сфере знания о языке: это проблема происхождения французского языка, вопрос о его статусе и связи с латинским и другими европейскими языками. Ведущее место в трактате отведено поиску «причин порчи, смешения и изменения народных слов» [6, с. 4]. Опираясь обширным фактическим материалом, охватывающим многие языки (латинский, греческий и новые западноевропейские языки), основное свое внимание де Бовель сосредоточил на французском языке, ради изучения природы которого и было предпринято это исследование, о чем он обстоятельно написал в Посвящении к своей работе, обращаясь к известному теологу и знатоку словесности Марциалу Мезюрье [6, с. 3].

Уже из самого названия данного трактата видно, что ключевыми для его автора являются близкие по значению понятия *differentia* и *varietas*. Как убедительно показал Л. М. Баткин в своих работах по культуре Возрождения, понятие *varietas* было тесным образом связано с эстетикой, философией, онтологией, всем стилем ренессансного мышления [1; 2]. Достаточно вспомнить о том, какое место отводили принципу *varietas* художники и теоретики живописи, сколь ощутимо присутствие «разнообразия» жанров, сюжетов, художественных средств в литературе, насколько широко представлено это понятие в философии, истории, естествознании, буквально во всех сферах, затронутых гением титанов Возрождения. Разнообразие интересов и сфер деятельности, в которых проявили себя гуманисты, показывает, каким образом данный принцип отразился на судьбах и творчестве многих представителей данной культуры. Ярким примером этой жажды познания служит и Шарль де Бовель, оставивший заметный след в различных областях знания. Помимо теологии и философии его интересовали точные науки и медицина. В частности, он известен как автор трактата «*L'Art et Science de Géométrie*» (опубликован в 1511 г.), давшего толчок к развитию научной литературы и научной терминологии на французском языке. В свое время имел успех у специалистов в области медицины его трактат «*Liber de remediis vitiorum humanorum et eorum consistentia*» (опубликован в 1531 г.). Кроме того, как и многие гуманисты, он был одержим «жаждой словесности», поэтому был не только знатоком и ценителем античной и итальянской поэзии, но и сам писал стихи (сборник его поэм был опубликован в 1529 г.). Пристальное внимание к родному языку во всем его разнообразии вылилось в собирание им пословиц и поговорок: накопленный им паремический материал был включен в сборник «*Proverbiorum vulgarium libri tres*», который был опубликован в 1531 г., незадолго до выхода в свет его трактата о языке.

Остановимся на некоторых положениях работы де Бовеля о многообразии языков, имеющих отношение к пониманию им феномена изменчивой природы языка и объясняющих его причины.

Идеи, которые де Бовель высказывает в своей работе, во многом созвучны идеям его современников. Это касается и его глубокого убеждения в том, что любое изменение языка есть не что иное, как его порча, и что поиски каких-либо правил в «вульгарных языках» бесполезны и бессмысленны. Именно потому, что в среде гуманистов долгое время бытовало мнение о невозможности создания грамматических описаний для живых языков, в первой половине XVI в. во Франции была создана лишь одна грамматика французского языка, автором которой был Жак Дюбуа (1531). Де Бовель работал над своим трактатом в тот же период времени, но воззрения на язык у него заметно отличаются от воззрений Дюбуа. Последний использовал в качестве модели для описания французского языка считавшиеся тогда классическими труды Доната и Присциана, из чего следует, что им двигало желание увидеть в этом живом языке систему и доказать, что в нем действуют те же законы аналогии, что и в языках «грамма-

тических», т. е. в латинском, греческом, древнееврейском. Подход де Бовеля к объяснению фактов языка совершенно иной: для него на первом месте в осмыслении природы языка стоит не аналогия, а аномалия. Отсюда естественный для него вывод о невозможности заключить живой язык в рамки канонической схемы грамматики.

Понять, насколько важным в методологическом плане было решение этого вопроса в начале XVI в., дает возможность глава L, в которой де Бовель приводит свои аргументы, доказывая невозможность создания для народного языка грамматики наподобие латинской. Описывая полемику с известным немецким ученым Иоганном Тритемием, с которым он познакомился в 1504 г. во время своего путешествия по странам Европы (1503 – 1508 гг.), де Бовель не без сарказма замечает: «Когда я был в Германии в гостях у Иоганна Тритемия, в то время возглавлявшего Шпангеймское аббатство, я небезосновательно посмеялся над ним, когда он поделился со мной своими планами на будущее, предполагая заняться бесполезным и бессмысленным занятием. Когда однажды в дружеской беседе разговор случайно коснулся народных языков, Тритемий, нимало не смутившись, пообещал сделать нечто, что было выше его сил: он возомнил себя в силах украсить немецкий язык (*Germanica lingua*) выработанными им правилами, чтобы таким образом уподобить его латинскому языку» [6, с. 44 – 45].

Знакомство с содержанием трактата де Бовеля показывает, что значимое место в нем отведено поиску причин многообразия языков мира и разнообразия мира родного языка. Попытка не просто собрать интересные факты, но и дать им убедительное объяснение лежит в основе методологии данной работы. Поэтому трактат де Бовеля с полным основанием можно рассматривать как один из ярких примеров экспликативной линии в развитии языкознания.

Стремление показать и объяснить «многообразие и различие языков» приводит де Бовеля к пониманию того, что сегодня принято называть «человеческим фактором в языке». Так, уже в авторском предисловии к трактату мы читаем: «Употребление звуков и имен, из которых создана ткань языков и наречий, не имеет иного происхождения, чем человеческий произвол в его стихийности и разнообразии» [6, с. 42 – 43]. В дальнейшем, развивая эту идею, он пишет о том, что изменения в языке обусловлены ошибками и отклонениями в произношении, исходящими в первую очередь от людей необразованных, и что искоренить эти недостатки с помощью правил невозможно.

Исключительную значимость для понимания лингвистических представлений первой трети XVI в. имеют те главы трактата де Бовеля, где он пытается «углубить и раскрыть причины разнообразия французского языка». Собственно этой цели посвящена практически вся первая часть трактата.

Обращаясь к выявлению первопричин многообразия языков, де Бовель замечает: «Народные языки, в которых нет никаких правил или предписаний ни в их развитии, ни в архетипе (*idea*), портят и разнообразят народные слова под воздействием места, времени и расположения планет» [6, с. 4]. За исключением последнего положения, касающегося влияния на язык явлений космического порядка (*horoscopus caeli*), это объяснение содержит указание на важнейшие с позиций современной научной парадигмы факторы языковой вариативности – пространство и время. Оно красноречиво говорит о том, что задолго до появления работ по общему языкознанию, диахронической лингвистике и лингвогеографии отдельным ученым не чуждо было понимание феномена территориальной и исторической изменчивости языка.

Одну из важнейших причин изменчивой природы языка де Бовель склонен видеть в значительной удаленности регионов друг от друга. Как он пишет, это привело к тому, что «внутри границ одного государства <...> люди с некогда единым языком и общими привычками ныне имеют как различные нравы, так и различные говоры» [6, с. 5]. Стремясь объяснить изменчивую природу французского языка, он отмечает: «Как показывает нам опыт, французский язык приобретает в себе самом очень большое разнообразие, до такой степени, что в настоящее время во Франции имеется

столько же наречий и языков, сколько народов, провинций и городов» [6, с. 5]. К этой мысли он возвращается неоднократно, подкрепляя ее всякий раз новыми примерами. Примечательно, что де Бовель не замыкается в рамках французского языка, а стремится показать, что явление изменчивости типично для всех языков: «Этот процесс происходит также у всех наций под небесным сводом» [6, с. 6]. Подтверждающие это положение примеры он находит не только у римских историков, на труды которых часто ссылается, но и в тексте Священного Писания, прекрасным знатоком которого он являлся, будучи известным богословом.

Другая причина «разнообразия французского языка», по мнению де Бовеля, связана с историей Древней Галлии. Как он пишет, многообразие наречий внутри французского языка обусловлено «многочисленными вторжениями варваров (сначала готов, аланов, гуннов, вандалов и др., а позднее бургундов, франков, бретонцев, фламандцев, нормандцев), в разное время прошедших через Галлию или обосновавшихся в ней» [6, с. 6]. Подробно и с достаточно убедительной системой доказательств, основанной преимущественно на анализе французских топонимов, этот аспект проблемы освещен в главах IV – X. Так, обращаясь к вопросу о завоевании Галлии франками, он пишет о том, как постепенно название племени привело к новому названию страны: «Перейдя со всем войском Рейн, они направились в Галлию; на земле паризиев они основали королевство, первоначально слабое, которое стало носить их имя. Затем мощь этого королевства возросла и, простирая вдаль длань победителя, оно ныне держит в повиновении почти всю Галлию. И это королевство скрыло название «Галлия» под новым и чужеземным названием «Франция»» [6, с. 8].

Наибольшее внимание де Бовеля приковано к местам, названия которых восходят к автохтонному населению Галлии, в чем прослеживается распространение среди французских гуманистов идеи национального самосознания, связанной со становлением французского национального государства. Поисками своих корней были заняты преимущественно историки и поэты середины и второй половины XVI в. (Жан Лемер, Пьер Ронсар, Жоашен Дю Белле, Пьер де ла Раме, Франсуа де Бельфоре, Этьен Пакье, Анри де Ла Попелиньер и др.). Этимологические разыскания де Бовеля по своему стимулировали этот процесс. Топонимы, которые он связывал с названием древнейшего населения страны, некогда называвшейся Галлией, представляют собой исключительный интерес с точки зрения топонимики и истории языка, так как они являют собой поистине бесценные реликты названий, которых на карте современной Франции либо уже нет, либо они претерпели кардинальные изменения, например: *Humbleux, Humblier, Dammartin en Gouelle, Gauville, Gaulieu, Saintais, Verman* (сегодняшний *Saint-Quentin*) и др. [6, с. 8 – 9].

Замечания де Бовеля о «разнообразии» или «вариативности» французского языка имеют большое значение не только для понимания того, каким виделся французский язык самому де Бовелю. В известной мере они проливают свет на то, почему он и многие его современники, которых можно с полным основанием назвать представителями «первой волны» лингвистического движения французского Возрождения, склонны были усматривать в языке аномалию, а не аналогию.

Одной из значимых проблем, поднимаемых в работе де Бовеля, является проблема родства языков. В первую очередь он пишет о языках, близких по своему словарному составу латинскому языку (*lingua Romae*). К числу романских языков он относит итальянский, французский и испанский, противопоставляя их немецкому языку [6, с. 5, 12]. Как видим, классификация романских языков у де Бовеля несколько отличается от классификации, предложенной за два века до него Данте Алигьери. Согласно этой классификации, латинский язык стал основой для трех языков Европы: итальянского, провансальского и французского (*langue de si, langue d'oc, langue d'oïl*). Причина нового видения этой проблемы, получившая свое отражение в трактате де Бовеля, связана с изменением лингвистической ситуации в Западной Европе. С одной стороны, к началу XVI в. в глазах французов, носителей *langue d'oïl*, провансальский

язык (*langue d'oc*) утратил былое величие и, соответственно, статус литературного языка с некогда богатой письменной традицией, что было обусловлено процессом формирования французского единого национального государства. С другой стороны, политические и экономические успехи Испании, ставшей в то время первой морской державой, расцвет ее культуры, достижения в области науки и литературы способствовали тому, что испанский язык оказался в числе престижных языков Европы.

При знакомстве с лингвистическими воззрениями де Бовеля обращает на себя внимание независимость его суждений по ряду ключевых для той эпохи вопросов, в частности, по вопросу о происхождении французского языка. Как известно, в эпоху Возрождения истоки французского языка гуманисты чаще всего возводили к латыни, решая таким образом проблему защиты и прославления родного языка. С одной стороны, это было связано с высоким социальным статусом латыни, а, с другой стороны, – с обилием латинизмов в словарном составе французского языка, что давало основание утверждать, что он буквально «сделан» из латинского. Помимо большинства гуманистов, последовательно и целенаправленно искавших истоки французского языка в латинском, были и те, кто возводил его истоки к одному из древних языков: древнегреческому, древнееврейскому, галльскому и даже фламандскому. Де Бовель занимает в этом вопросе иную позицию, утверждая: «Французский язык является преимущественно смешанным, поскольку имеет в своем составе большое число чужих слов» [6, с. 3]. Обоснование этого положения дано в виде отдельных примеров в первой части трактата, кроме того, аргументами изобилует вторая часть работы, представляющая собой прообраз этимологического словаря. Каждая словарная статья начинается с объяснения значения французского слова через его латинский эквивалент (наподобие тех, что представлены в известных средневековых глоссариях), например: *crier, id est clamare*; *pris, id est captus*. Далее следуют указания на происхождение слова: греческое, латинское, варварское или неопределенное. Наибольшую ценность в этих словарных статьях имеют комментарии, проливающие свет на уровень лингвистической компетенции автора, сумевшего обнаружить немало число закономерностей, связанных с изменением фонетического облика латинских слов во французском языке. Например: «[Слово] *Chose* парижанами и бельгийцами произносится как *Cose*, [оно] восходит к латинскому *causa*, ведь дифтонг *ai* часто переходит в *o*, как, например, *raupere – poure*» [6, с. 56]; «[Слово] *Debuoir* восходит к *debere*, так как буква *B* преобразуется в *V*» [6, с. 58]; «[Слово] *Queual*, или *Cheual*, или *Caua*, восходит к латинскому *caballo*. Латинские слова, начинающиеся с буквы *C*, у бельгийцев начинаются на *Q*, а у парижан на *Ch*» [6, с. 76]. В общей сложности де Бовелем было проанализировано 623 слова, из которых 48 были объявлены словами «неясного происхождения».

По-своему революционные идеи высказывает де Бовель, пытаясь объяснить характер взаимовлияния языков и поднимая новую для своего времени проблему языковых контактов. На страницах его трактата представлено немало убедительных примеров, отражающих характер контактов между народами, населявшими Галлию и Европу в разные исторические периоды. При рассмотрении этого процесса автор обращается к поиску сходств и различий в некогда единых формах слов (например, в утвердительных и отрицательных частицах), прослеживает этимологию ряда западноевропейских топонимов, связывая их с последствиями нашествий и переселения народов в Западной Европе (*Gallia, Veromandia, Vallois, Catalonia, Hungaria, Westgallia, etc.*). Особое место в системе аргументации автора занимает описание звучания гласных и согласных во французском языке и имеющихся вариантов произношения слов в зависимости от их принадлежности к той или иной «разновидности» французского языка (Главы XIX – XLVI). Заключает он свой анализ следующим образом: «Повсюду произношение слов людьми ненадежно и нестабильно, оно приводит к изменению слов таким образом, что в зависимости от сходства букв, соответствующих друг другу в звучании, заставляет изменяться слова либо из-за их несовершенства, проистекающего от влияния гороскопа и воздействия небесных сил (*ab horoscopo & climate cæli*

emanante), либо из-за простого произвола людей; в результате этого образуются самые разные языки (*sermone deuersissimos*)» [6, с. 41].

Формулировка *ab horoscopus caeli* неоднократно используется на страницах трактата де Бовеля для объяснения изменчивой природы языка. Сегодня такое объяснение представляет собой исключительный интерес как реликт ренессансной научной парадигмы с присущим ей пониманием хода истории. В связи с тем, что в эпоху Возрождения астрология занимала одну из верхних ступеней в иерархии научного знания, она рассматривалась как высшая наука, позволяющая постичь скрытые от непосредственного наблюдения связи явлений, дать единое истолкование Универсума. Причину широкого распространения астрологии в то время Н. В. Ревякина усматривает, с одной стороны, в пристальном внимании гуманистов к миру природы, а, с другой стороны, в том, что в эпоху глобальных перемен и кризиса традиционной стабильности, какой, без сомнения, была эпоха Возрождения, тема судьбы стала одной из центральных в понимании мира человека и окружающей его действительности [3, с. 181 – 183]. Не последнюю роль в том, что в объяснении языковых явлений де Бовель широко опирался на сведения из астрологии, оказали и использованные им античные источники, в которых было немало ссылок на влияние небесных сил на судьбы людей и государств. В частности, в главе XVIII, приступая к рассмотрению вопроса о происхождении некоторых французских топонимов, он рассуждает о влиянии планет на судьбы великих людей, например, Ганнибала и Александра Македонского, а также о сообщаемых древними историками предзнаменованиях, сопровождавших основание таких городов, как Карфаген и Рим [6, с. 17 – 18].

Примечательно, что французский гуманист по-особому трактует влияние небес, тесным образом связывая его с категорией пространства, что делает его объяснения по-своему убедительными: «Неудивительно, что произношение изменяется в зависимости от совершенно незначительного удаления, и что народный язык в связи с этим тотчас же становится иным; <...> природа людей, в свою очередь, становится в какой-то мере иной в связи с этим удалением, <...> поэтому различаются темперамент и нрав представителей разных наций. Действительно, так же, как любое место под небесным сводом имеет свою линию горизонта и свой собственный зенит, так же и каждой местности соответствует свой собственный гороскоп в связи с различным обликом неба и своим влиянием, которое изменяет у людей нравы, чувства и всё телосложение» [6, с. 17].

Помимо внушительного по своему охвату фактического материала трактат де Бовеля содержит немало серьезных теоретических положений и обобщений, показывающих, что вопросы общей теории не были чужды ренессансной парадигме знания о языке. Так, Глава XVI, в которой автор подробно рассматривает варианты произношения латинских слов *ita* и *non* на территории современной ему Европы, заканчивается следующими словами: «Чем шире территория, тем значительнее модификации в народном произношении, порожденные расстоянием» [6, с. 6]. Такого рода замечания, разбросанные по всей работе, в своей совокупности свидетельствуют о целостности и зрелости научной концепции автора, стоявшего у истоков французской национальной лингвистической традиции.

Как видим, работа де Бовеля, посвященная проблемам языка, синкретична по своему содержанию, в ней затрагиваются актуальные для своего времени вопросы, используется широкий пласт научных данных, задействуется внушительный языковой материал, до этого не подвергавшийся рассмотрению. В трактате представлено скрупулезное описание различных языковых явлений (фонетики, грамматики, этимологии), дополненное сведениями по истории и географии, истории культуры и этнографии. Воззрения де Бовеля на язык представляют собой интерес не только потому, что они являются пример оригинальной по замыслу и воплощению научной концепции, принадлежащей ренессансной лингвистической традиции, но и потому, что в них содержится немало идей и гениальных прозрений, которые получили научное под-

тверждение в работах по сравнительно-историческому и общему языкознанию, диалектологии и топонимике, а также по другим отраслям современной лингвистики.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М., 1990.
2. Баткин Л. М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995.
3. Ревякина Н. В. Человек в гуманизме итальянского Возрождения. Иваново, 2000.
4. Степанова Л. Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб., 2000.
5. Auroux S. (dir.) Histoire des idées linguistiques. Vol. 2. Le développement de la grammaire européenne. Liège, 1992.
6. Bovillus Carolus. Liber de differentia linguarum et Gallici sermonis varietate; quae voces apud Gallos sint factitiae et arbitrarie vel barbarae; quae item ab origine latina manarint; de hallucinatione Gallicanorum nominum. P., 1533.
7. Brause K.-H. Die Geschichtsphilosophie des Carolus Bovillus. Borna, Leipzig, 1916.
8. Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours [Текст] / Ph. Brunot. T. 2. – P., 1913.
9. Cassirer E. The individual and the cosmos in Renaissance philosophy. Oxford, 1963.
10. Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479-1979: Actes du colloque international tenu à Noyon les 14-16 septembre 1979. P., 1982.
11. Cioranescu A. Renaissance et mort de l'antiquité // Mélanges à la mémoire de Franco Simone. France et Italie dans la culture européenne. Moyen Age et Renaissance. Genève, 1980. – P. 25 – 33.
12. Delumeau J. La civilisation de la renaissance. – P., 1973.
13. Demaizière C. Charles de Bovelles. Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française. – P., 1973.
14. Demaizière C. La grammaire française au XVI-e siècle: Les grammairiens picards. – P., 1983.
15. Dippel J. Versuch einer systematischen Darstellung der Philosophie des Carolus Bovillus. Wuerzburg, 1865.
16. Françon M. La Deffence et illustration de la langue française et l'influence italienne // France et Italie dans la culture européenne. Moyen Age et Renaissance. Genève: Slatkine, 1980.
17. Hall R. A. Jr. Linguistic Theory in Italian Renaissance // Language, 1936. – N 12 / 2. – P. 96 – 107.
18. Kukenheim L. Contribution à l'histoire de la grammaire italienne, espagnole et française à l'époque de la Renaissance. Amsterdam, 1932.
19. Lepschy G. History of Linguistics. London, New York, 1994.
20. Lubac H. de. Le Sage, d'après Charles de Bovelles. Vrin, 1967.
21. Michel P.H. Un humaniste picard: Charles de Bovelles // Revue des études italiennes, I. P., 1936.
22. Sabbadini R. Il metodo degli umanisti. Firenze, 1920.
23. Schmitt C. Charles de Bovelles, *Sur les langues vulgaires et la variété de la langue française* (1533), une source importante pour l'histoire du vocabulaire français // Travaux de linguistique et de littérature (14). P., 1976. – P. 129 – 156.
24. Schmitt C. Bovelles linguiste // Charles de Bovelles et son cinquième centenaire 1479 – 1979: Actes du colloque international tenu à Noyon les 14-16 septembre 1979. P., 1982. – P. 247 – 263.

CHARLES DE BOVELLES ON THE VARIABLE NATURE OF LANGUAGE

E. N. MIKHAILOVA

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
mikhailova@bsu.edu.ru*

The article deals with the points of view on the language of Charles de Bovelles (1479-1565), an outstanding representative of the French humanism of the early 16th century. An issue of the historical variability of language as treated by the scientist in his peculiar way is in the focus.

Key words: differentia, varietas, language variability, language diversity and difference, language varieties.